

Е.Н. Трубецкой

Энциклопедия права

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Е11

E11   **Е.Н. Трубецкой**
Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой – М.: Книга по Требованию, 2013. –
226 с.

ISBN 978-5-458-05676-2

Е. Трубецкой учился на юридическом факультете Московского университета (1881 – 1885) и одновременно изучал историю философии. После окончания университета он становится приват-доцентом Юридического лицея в Ярославле. Здесь и в дальнейшем в Московском университете читает курсы по энциклопедии права и истории философии права. Курс энциклопедии права включает предварительные сведения о праве, его отделах, методах его изучения. Он создает некоторый философский базис для научной работы и синтезирует современные общие учения о праве как основание для изучения самостоятельных правовых дисциплин.

ISBN 978-5-458-05676-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Определение права.

Первая и основная задача юридической энциклопедии заключается въ определеніи самого понятія о правѣ. Но ка мы не выяснимъ себѣ, что такое *право вообще*, все сужденія о тѣхъ или другихъ конкретныхъ видахъ права будуть страдать неясностью, отсутствіемъ опредѣленія научнаго содергания. По поводу каждого нашего отдельнаго сужденія, относящагося къ той или другой области юриспруденіи, можетъ возникнуть сомнѣніе, представляетъ ли оно собою дѣйствительное сужденіе о правѣ или о чѣмъ-то другомъ, что не есть право. При отсутствіи удовлетворительного опредѣленія понятія права не могутъ быть проведены ясныя границы между правовѣдѣніемъ и другими науками; а при отсутствіи такихъ границъ пака права всегда рискуетъ или не охватывать весь свой предметъ или совершать захваты изъ другихъ чуждыхъ ей областей знанія.

Чтобы такъ или иначе разрѣшить спорный въ наукѣ вопросъ о существѣ права, необходимо прежде всего остановиться на тѣхъ признакахъ опредѣляемаго понятія, которые не вызываютъ сомнѣнія, и затѣмъ перейти къ тѣмъ, которые представляются спорными. Прежде всего несомнѣнно, что право выражаетъ собою *правило поведенія*. Въ какомъ бы смыслѣ мы ни употребляли слово *«право»*, мы всегда подразумѣваемъ подъ нимъ что-то такое, противъ чего не сѣдуетъ налагать, чего не должно нарушать; съ этимъ словомъ въ нашемъ умѣ всегда связывается то или другое повелѣніе, предписаніе какихъ-либо положительныхъ дѣйствій или воздержанія отъ дѣйствій. Всякому праву соответствуетъ чья-либо обязанность, требование, обращенное къ какому-либо лицу или лицамъ. Когда мы говоримъ о правѣ кредитора на получение долга, это значитъ, что опредѣленное лицо — должникъ — обязано уплатить

этотъ долгъ. Когда мы говоримъ о правѣ собственности какого-либо лица, это значить, что всѣ прочія лица — несобственники — должны воздерживаться отъ всякихъ посягательствъ противъ того, что составляеть для нихъ чужую собственность. Когда мы говоримъ о правѣ ~~власти~~, мы неизрѣдѣно подразумѣваемъ, что тѣ или другія лица — подчиненные — обязаны повиноваться власти.

Если право всегда устанавливать чьи-либо обязанности, то столь же несомнѣнно, что оно всегда выражаетъ собою *человѣческое притязаніе*. Во всякомъ правѣ есть двѣ стороны — лицо управомоченное, которое можетъ требовать, и лицо или лица обязаны, которыхъ должны исполнять требование. Собственникъ можетъ требовать отъ всѣхъ прочихъ людей, чтобы они уважали его собственность; точно такъ же кредиторъ можетъ предъявлять требование къ должнику, власть — къ подчиненному.

Изъ всего предшествовавшаго видно прежде всего, что право пераразрывно связано, во-1-хъ, съ существованіемъ лица, которое является его обладателемъ и носителемъ, и, во-2-хъ, съ существованіемъ общества лицъ, среди которыхъ лицо управомоченное осуществлять свое право, къ которымъ оно предъявляетъ свои требования. Если всякое право непремѣнно выражаетъ собою притязанія однихъ лицъ, обязанности другихъ, то ясное дело, что всякое право предполагаетъ общество и въ общество представляется невозможнымъ. Представимъ себѣ лицо, совершенно изолированное, живущее въ всякаго общества, въ всякаго отношенія къ другимъ лицамъ: такое лицо, очевидно, не обладало бы никакими правами; нельзя говорить о правахъ собственности такого лица, о его правѣ на жизнь или на дѣйствія другихъ лицъ, ибо у него неѣть близкихъ, которые бы могли признавать или оспаривать эти права. Гдѣ неѣть лица или лицъ, *обязанныхъ* соблюдать чужое право, тамъ неѣть и лица управомоченнаго, стало-быть, неѣть и самаго права.

Если мы и можемъ говорить о правѣ какого-нибудь Робинзона, живущаго на необитаемомъ островѣ, то только въ предположеніи какого-либо возможнаго ближняго, возможно общество другихъ лицъ, которыхъ когда-либо нарушать его одночество. Если мы, напр., говоримъ о правахъ собствен-

ности Робинзона, то это не значитъ, очевидно, что неодушевленные стихіи не должны портить его имущество или что дикие звѣри не должны посягать на его жизнь и расхищать его стада; это можетъ значить только, что всякое другое разумное лицо, которое можетъ появиться на островѣ Робинзона, не должно посягать на принадлежащія ему вещи.

Такимъ образомъ, всякое право предполагаетъ *общество*: только въ предположеніи общества разумныхъ лицъ можно говорить о правѣ; съ другой стороны, не можетъ существовать и общества разумныхъ лицъ безъ права. Представимъ себѣ такое собраніе людей, гдѣ никто не признавалъ бы за своимъ сосѣдомъ никакихъ правъ, стало-быть ни права на жизнь, ни права на имущество; очевидно, что такое собраніе людей не было бы обществомъ; люди могутъ составлять общество только при томъ условіи, если за отдельнымъ лицомъ признается извѣстная сфера, въ которой должны господствовать его цѣли, — иначе говоря, если за нимъ признается сфера правъ, коихъ не должны нарушать его ближніе. Право, такимъ образомъ, есть необходимое условіе всякаго общества: оно — тотъ общий порядокъ, которому должно подчиняться какъ цѣлосъ общество, такъ и каждый отдельный его членъ. Живя въ обществѣ, я долженъ сознательно поступаться въ пользу ближняго цѣлымъ рядомъ эгоистическихъ интересовъ и цѣлей: я долженъ уважать чужую жизнь, свободу и имущество; такъ же долженъ относиться ко мнѣ мой ближній; все мы должны почитать право, какъ общий порядокъ, который долженъ господствовать надъ волей каждого изъ насъ. Отсюда — первое и самое общее опредѣленіе права: *право есть порядокъ, регулирующій отношения отдельныхъ лицъ въ человѣческомъ обществѣ*.

Разсматривая это опредѣленіе, какъ мы увидимъ далѣе, далеко не полное, мы обнаружимъ цѣлый рядъ другихъ свойствъ, другихъ существенныхъ признаковъ права. Право, какъ сказано, всегда выражается въ видѣ *притязаній, требованій*, съ одной стороны, въ видѣ *обязанностей* — съ другой стороны. Ясное дѣло, что притязанія, требованія могутъ предъявляться только къ разумнымъ сознательнымъ существамъ, способнымъ понимать требованіе; только по отношенію къ такимъ существамъ возможно говорить объ обязанностяхъ: смѣшно было бы говорить объ обязанностяхъ растенія или камня, и по мѣньшей

мѣрѣ несоставительно было бы заявлять о нашихъ правахъ волкамъ или тиграмъ. Но и этого мало: требования права, какъ и вообще всякия вѣльнія разума, могутъ обращаться только къ лицамъ, способнымъ ихъ исполнить или не исполнить, т.-е. къ существамъ, обладающимъ способностью свободнаго выбора.—Если я обращаюсь къ ближнему съ требованіемъ уплатить мнѣ долгъ, оказать мнѣ повиновеніе, не посягать на принадлежащую мнѣ вещь, то, очевидно, я предполагаю, что онъ можетъ исполнить мое требованіе, соблюсти или нарушить мое право; право, какъ мы видѣли, всегда выражаетъ собою не только чье либо притязаніе, но и чью-либо обязанность; но обязанность можетъ быть приписана только такому существу, которое способно выбрать между должноимъ и не должноимъ: право властнуетъ надъ нами не какъ непреодолимый законъ природы, а какъ требованіе, обращенное къ нашей свободной волѣ, вѣльніе, которое мы можемъ исполнить или нарушить.

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ сложный метафизический вопросъ о свободѣ человѣческой воли, т.-е. объ отношеніи человѣческой воли къ властнующей въ мірѣ необходимости. Для нашей цѣли пока достаточно установить, что право предполагаетъ свободу въ двоякомъ смыслѣ: во-1-хъ, какъ способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведеніе (свобода внутренняя) и, во-2-хъ, какъ возможность дѣйствовать вовнѣ, преслѣдовать и осуществлять какія-либо цѣли въ мірѣ вѣнчнемъ (свобода вѣнчная).

Свобода внутренняя, какъ мы видѣли, предполагается пра-вомъ какъ условіе его существованія: къ ней предъявляются вѣльнія права; вѣльнія эти имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку они обращаются къ существу, способному сознательно избирать ту или другую цѣль, тотъ или другой образъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ слова свобода составляютъ неотъемлемое психическое качество всякаго разумнаго существа. Моя близкія, разумѣется, могутъ такъ или иначе вліять на мое поведеніе, побуждать меня къ избранію тѣхъ или другихъ цѣлей. Но никакія дѣйствія близкихъ, никакія вообще вѣнчнія препятствія не могутъ лишить меня самой способности сознательно избирать мое поведеніе, сознательно опредѣляться тѣми или другими мотивами.

Иное дѣло—свобода виѣшня, свобода какъ возможность осуществлять тѣ или другія цѣли въ мірѣ виѣшнемъ; въ этомъ смыслѣ наша свобода можетъ быть стѣснена, ограничена или даже вовсе уничтожена виѣшними препятствіями, въ томъ числѣ, конечно, дѣйствіями нашихъ ближнихъ. Никто не можетъ воспрепятствовать мнѣ желать тѣхъ или другихъ цѣлей, напримѣръ, желать пользоваться какою-либо вещью или чѣмъ-либо услугами, желать жить, но ближніе мон могутъ воспрепятствовать осуществленію этихъ цѣлей, лишить меня своихъ услугъ, имущества и самой жизни—словомъ, всячески стѣснить и даже вовсе уничтожить мою виѣшнюю свободу.

Не трудно убѣдиться въ томъ, что свобода въ этомъ смыслѣ составляетъ *содержаніе* права. Ясное дѣло, что, гдѣ нѣть виѣшней свободы, тамъ нѣть и самаго права. Существо, совершенно лишенное виѣшней свободы (рабъ), есть вмѣстѣ съ тѣмъ и существо совершенно безправное. Во всякомъ правѣ свобода лица, въ смыслѣ не стѣсненной другими лицами возможности осуществлять тѣ или другія цѣли, составляетъ настолько существенный признакъ, что съ уничтоженіемъ его уничтожается самое право.

Истинность этого положенія можетъ быть подтверждена анализомъ всякаго конкретнаго права. Что такое, напр., право на жизнь? Право это означаетъ, что человѣкъ свободенъ располагать своей жизнью, что никто изъ ближнихъ не долженъ ему въ этомъ препятствовать; оно означаетъ, что человѣкъ свободенъ жить въ мірѣ виѣшнемъ и что всѣ прочіе люди должны уважать эту свободу. Что такое право на долгъ? Свобода кредитора располагать въ извѣстный срокъ опредѣленной частью имущества должника, требовать съ него уплаты. Право на чужія услуги—есть свобода располагать опредѣленными услугами другихъ. Право собственности есть свобода лица—собственника—всесторонне гospодствовать надъ принадлежащей ему вещью.

Казалось бы, впрочемъ, что существуютъ такія права, которыхъ не только не заключаются въ себѣ этого признака свободы, но, напротивъ того, исключаютъ его, закрѣпляютъ состояніе несвободы: таково, напримѣръ, крѣпостное право. Въ этомъ всегда заключалось одно изъ главныхъ возраженій тѣхъ юристовъ и философовъ, которые отказываются признавать

свободу существеннымъ признакомъ права. Возраженіемъ этимъ, между прочимъ, воспользовался проф. Петражицкій въ своихъ „Очеркахъ философіи права“. Однако, при внимательномъ анализѣ оно оказывается совершенно неубѣдительнымъ: на самомъ дѣлѣ крѣпостное право есть одно изъ тѣхъ кажущихся исключений, которыя блестательно подтверждаютъ общее правило: крѣпостное право есть право дѣйствительно отнимать свободу у крѣпостного, но оно предоставляетъ свободу господину. Крѣпостное право есть свобода господина распоряжаться своимъ крѣпостнымъ. Если мы откинемъ этотъ признакъ свободы господина, то у насъ ничего не останется отъ самого понятія крѣпостного права; только въ силу этой признанной обычаемъ или закономъ свободы господина его господству надъ его крѣпостными усвоено название право. Крѣпостное право, очевидно, не есть право крѣпостного, ибо послѣдній несвободенъ и по этому самому совершенно безправенъ; оно есть право господина именно потому, что оно выражаетъ свободу господина. Значитъ, всякое право заключаетъ въ себѣ элементъ свободы, хотя эта свобода можетъ быть и одностороннею, имѣть характеръ привилегіи одного лица въ ущербъ другому. *Гдѣ вовсе нетъ свободы, тамъ вообще не можетъ быть никакого права.*

Гораздо большій интересъ представляетъ другое возраженіе, которое всегда противополагается защищаемому ученію, а именно—вѣчная ссылка на малолѣтнихъ и слабоумныхъ. Говоритьъ, что эти лица обладаютъ правами, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ лишены свободы: они не свободны распоряжаться ни своей личностью, ни своимъ имуществомъ—они находятся всецѣло во власти опекуновъ и родителей.

Основная ошибка этого возраженія заключается въ смѣшаніи свободы вѣчной со свободой внутренней. Та вѣчная свобода, которая составляетъ существенный признакъ *всякаго* правомочія, не предполагаетъ никакихъ психическихъ свойствъ у ея обладателя. Свобода эта заключаетъ въ себѣ два признака—отрицательный и положительный. Это, во-первыхъ, *независимость отъ чужого произвола*, а во-вторыхъ, *условная возможность самоопределенія*, т.-е. возможность положительныхъ дѣйствій.

Где быть личной независимости, тамъ быть и права: этотъ признакъ существенъ для права малолѣтняго, какъ и всякаго другого лица. Подобно всякимъ другимъ субъектамъ права малолѣтніе и слабоумные ограничены противъ чужого произвола цѣлымъ рядомъ правъ какъ въ личной, такъ и въ имущество-ственной сферѣ; илъ личность, илъ имущество ихъ не могутъ быть обращены въ орудія какого-либо другого лица. Именно этимъ положеніе правоспособнаго опекаемаго отличается отъ положенія раба; одна изъ важнѣйшихъ задачъ самой опеки заключается въ томъ, чтобы обезпечить независимость личности опекаемаго. Поэтому мы безъ всякаго противорѣчія можемъ признавать свободными малолѣтніхъ и слабоумныхъ. Свободны они въ силу предоставленныхъ имъ правъ и лишь постольку, поскольку они обладаютъ правами.

Обладаютъ ли они свободой въ смыслѣ возможности совершения положительныхъ дѣйствій? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію, если мы примемъ во вниманіе *условный характеръ той свободы, о которой здѣсь идетъ рѣчь*.

Когда мы говоримъ, что какому-либо учрежденію или акціонерной компаніи предоставляется свобода совершать опредѣленныя дѣйствія, напр., свобода продавать, покупать, распоряжаться опредѣленнымъ имуществомъ, выраженіе „свобода“ илъ въ комъ не вызываетъ недоумѣній несмотря на то, что учрежденія и акціонерныя компаніи никакими психическими свойствами не обладаютъ. Ибо для всѣхъ ясно, что терминъ „свобода“ тутъ имѣеть условное значеніе: подъ „дѣйствіями“ акціонерной компаніи подразумываются законные дѣйствія ея представителей, уполномоченныхъ дѣйствовать отъ ея имени, осуществлять ея права; подъ „свободой“ акціонерной компаніи разумѣется предоставленная ея представителямъ возможность совершать эти дѣйствія отъ ея имени.

Въ такомъ же условномъ смыслѣ свобода совершать опредѣленныя дѣйствія принадлежитъ и малолѣтнимъ. Они также черезъ посредство своихъ представителей свободны распоряжаться своимъ имуществомъ, извлекать или не извлекать изъ него доходъ, умножать и отчуждать его при условіи соблюденія требованія закона. Что въ данномъ случаѣ рѣчь

идеть о свободѣ правообладателя, а не о свободѣ другого лица, видно изъ того, что онекуда, распоряжающійся имущество мъ малолѣтняго, дѣйствуетъ не по собственному праву, а осуществлять право онекаемаго. Онь свободенъ лишь въ предѣлахъ этого права.

Свобода, какъ субъективный, личный элементъ права, не исчерпываетъ собою его сущности. Мы видѣли, что право неразрывно связано не только съ существованіемъ отдѣльного лица, но и съ существованіемъ общества. Поэтому самому на ряду съ личнымъ элементомъ свободы право заключаетъ въ себѣ другой—общественный элементъ—правило поведенія или норму, ограничивающую свободу отдѣльного лица. Этотъ элементъ—ограниченіе свободы нормою—представляетъ собою столь же существенный признакъ права, какъ и самая свобода. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что свобода лица, напр., свобода человѣка пичѣмъ не ограничена, что нѣтъ никакихъ правилъ, ее обуздывающихъ и сдерживающихъ. Ясное дѣло, что при такомъ порядкѣ вещей не можетъ быть рѣчи о правѣ. Если каждому человѣку принадлежитъ безграничнаа свобода распоряжаться чужой жизнью, то это значитъ, что никто не имѣетъ права на жизнь; если нѣтъ правила, ограничивающаго его свободу захватывать всѣ тѣ вещи, которыя онъ желаетъ, отнимать ихъ у сосѣдей, то это значитъ, что ни у кого нѣтъ права собственности. Если нѣтъ никакихъ правилъ, ограничивающихъ мою свободу принуждать ближнихъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ въ мою пользу, если я могу быть, оскорблять и обращать ихъ въ орудія моей прихоти, то это значитъ, что никто не имѣетъ никакихъ личныхъ правъ. Слѣдовательно, где свобода отдѣльного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаніями, тамъ нѣтъ вообще никакого права: существеннымъ признакомъ права является *правило или норма, ограничивающая свободу*.

Такимъ образомъ существо права выражается въ двухъ основныхъ проявленіяхъ или функцияхъ: съ одной стороны, оно предоставляетъ, отводитъ лицу известную среду свободы; съ другой стороны—оно ограничиваетъ эту сферу рядомъ предписаній, рядомъ обязательныхъ правилъ.

Раньше уже было сказано, что право есть порядокъ, регулирующій отношенія отдѣльныхъ лишь въ обществѣ; теперь мы видимъ, что этотъ порядокъ проявляется, во-1-хъ, какъ вѣщнія свобода лица, а, во-2-хъ, какъ правило или норма, съ одной стороны предоставляемая лицу опредѣленную сферу вѣщніей свободы, а съ другой стороны ее ограничивающая. Поэтому данное раньше опредѣленіе права можетъ быть здѣсь дополнено и выражено въ слѣдующей краткой формулѣ: *«Право есть вѣщнія свобода, предоставленная и ограниченная нормой.* Или, что то же самое: *право есть совокупность норм, съ одной стороны предоставляющихъ, а съ другой стороны ограничивающихъ вѣщнію свободу лишь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.*

Опредѣленіе это существенно отличается отъ ученій, господствующихъ въ современной юриспруденціи, а потому нетрудно предвидѣть, что оно встрѣтить многочисленныя возраженія. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ точки зреінія наиболѣе распространенныхъ въ наше время воззрѣній оно покажется прежде всего слишкомъ широкимъ: оно обнимаетъ въ себѣ многое такое, что большинствомъ современныхъ юристовъ и философовъ права принято относить не къ праву, а къ нравственности или къ условнымъ правиламъ общежитія. Если держаться высказанного выше опредѣленія, то придется признать за правовыя многія такія нормы, которыя не только не пользуются признаніемъ со стороны государстvenной власти, но и вообще не опираются на санкцію того или другого общественнаго авторитета, т. е. рядъ такихъ нормъ, которыя господствующимъ воззрѣніемъ не признаются за правовыя. Каковы бы ни были разногласія современныхъ юристовъ и философовъ права, весьма значительная часть изъ нихъ сходится въ томъ предположеніи, что санкція того или другого вѣщнаго авторитета служить несобходимымъ признакомъ права.

Въ послѣдующемъ изложеніи намъ предстоитъ такъ или иначе посчитаться съ этимъ догматомъ современной юриспруденціи. Истинность данного только что опредѣленія права можетъ быть доказана только путемъ критического разбора пѣлаго ряда несогласныхъ съ нимъ современныхъ ученій о правѣ.

Критика господствующихъ определений права.

Официальная теорія (Лерингъ).

Особенно рѣзко бросаются въ глаза недостатки тѣхъ ходачихъ въ наше время определений права, которыхъ исходятъ изъ понятія государства. Изъ нихъ наиболѣе типичнымъ представляется определеніе, высказанное Лерингомъ въ извѣстномъ трудахъ его „Цѣль въ правѣ“. Лерингъ считаетъ совершенно правильнымъ то ходачее определеніе права, которое гласитъ: „Право есть совокупность действующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ“. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что это определеніе, какъ и вообще вѣтъ многочисленнаго въ наше время определенія, которыхъ исходятъ изъ понятія государства, совершаестъ логический кругъ, опредѣляетъ право правомъ, неизвѣстное неизвѣстнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, государство есть прежде всего правовая организація, союзъ людей, связанныхъ между собою общими началами права; ясно дѣло, следовательно, что понятіе государства уже предполагаетъ понятіе права. Стало-быть, тѣ ученія, которыхъ опредѣляютъ право какъ совокупность нормъ „действующихъ въ государствѣ“ или „признанныхъ государственной властью“, говорятъ на самомъ дѣлѣ иными словами: Право есть право, $X=X$.

Актъ признания или непризнания государственою властью тѣхъ или другихъ нормъ за право, очевидно, не можетъ послужить признакомъ для различенія права отъ неправа, ибо этотъ актъ въ свою очередь поконится на правѣ, присвоенномъ государственной власти. Понятіе государства уже предполагаетъ понятіе права; поэтому вводить въ определеніе права понятіе государства — значитъ опредѣлять право правомъ.

Теорія принужденія.

Разумѣется, всего легче возражать противъ тѣхъ теорій, которыхъ прямо вводятъ понятіе государства въ определеніе права или считаютъ государство „единственнымъ источникомъ права“ (Лерингъ). Задача критики становится труднѣе, когда приходится имѣть съ такими определеніями, въ которыхъ самый терминъ „государство“ не упоминается, но въ